Демьян Бедный

Всяк Еремей про себя разумей

Пролетарские басни

Государственное издательство. 1921

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

„Пролетарии всех стран соединяйтесь!“

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

ВСЯК ЕРЕМЕЙ ПРО СЕБЯ РАЗУМЕЙ.

Пролетарские басни.

(С рисунками художника А. К.)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Москва.— 1921

1-я Образцовая тип. М. С. Н. Х., Москва, Пятницкая, 71.

Монголия.

На белом свете есть одна
Убогая страна.
Описывать ее подробно я не стану.
Принадлежит она
Князьку какому-то, Бадану.
От юных лет сей князь гневлив и зверски лют
И с тяжкой строгостью своей страною правит:
Гесня поборами покорный черный люд,
Строптивцев без суда и давит он и травит.
Служа соседям образцом
По части крайних мер и всяких обузданий,
Бадан воздвиг перед дворцом
Не стройный ряд блестящих зданий,
Короной пышною замкнувших княжий двор:
Нет, площадь грязную изрыл он сотней нор,
Глубоких и зловонных.
И темных, и сырых,

Где в куче тел живых
Гниют тела казненных.
Для тех, кто оскорбил князька иль княжий сан,
Для стариков и малых деток
Настроил мстительный Бадан
Железных узких клеток,
Где, теша княжий взор,
В отбросы смрадные погрязши по колени,
Несут мученье и позор
Давно безумные, озлобленные тени.
Кляня мучителя, подъемлют тени вой
И, ударяяся о прутья головой,
То брызжут пеною неутолимой злости,
То плачут горестно, простерши пред собой
Не руки,—язвами источенные кости.
Для тех, кто возбуждал к восстанию народ,
Кто сам горел и ждал всеобщего пожара,
Умыслив зло на трон и на Баданов род,
Есть кара страшная, особенная кара:
На лютом холоде, дождавшись зимних дней,
Морозит князь борцов за право и за волю
И трупы, привязав к хвостам лихих коней,
Влачит по „проклятому полю";
Как буря, быстр коней испуганных полет
На поле, трудовой сохой нигде не взрытом,
И мерзлые тела ломаются, как лед,
Под их окованным копытом

1913 г.

ТОФУТА МУДРЫЙ.

В далеком-предалеком царстве,
    В ненашем государстве,
        За тридевять земель
            Отсель,
Средь подданных царя мудрейшего Тофуты
    Случилось что-то в роде смуты.
    — „Разбой!—кричали все.—Грабеж!“
    Шли всюду суды-пересуды:

Порядки, дескать, в царстве худы,
Насилья много от вельмож!
Одначе,
хоть бунтовали все, но в общей суете
Верх брали те,
Кто посильней да побогаче:
— „Чем лезть нам, братцы, напролом,
Нарядимте послов—Тофуте бить челом;
Проведавши от них о нашей злой обиде,
Царь нас рассудит в лучшем виде“.
Но—то ли сам дошел, то ль расхрабрясь от слов
Вельможи главного, злодея Протоплута
Не допустил к себе послов
Мудрейший царь Тофута:
— „Нелепо,—молвил он,—мне слушать их, зане
Все, что известно им, известно также мне.
А ежли что мне не известно,
О том им толковать подавно неуместно!“
Но черный люд не сдал: боролся до конца,
Пока не выкурил Тофуту из дворца.
И что же? Не прошло, поверите ль, минуты,
Как власть, отбитую народом у Тофуты,
Присвоили себе все те же богачи,
Да так скрутили всех, хоть караул кричи,
У бедных стали так выматывать все жилы,
Как „не запомнят сторожилы“.
Пошел в народе разговор:
— „Попали мы впросак!“
— „Того ль душа хотела?“
— „Эх, не доделали мы дела!“
— „От богачей-то нам, гляди, какой разор!“

Потолковали,
Погоревали
И богачей смели, как сор.
Жизнь сразу вышла на простор!

Я в этом царстве был недавно.
И до чего живут там славно,
На свой особенный манер!
Как это все у них устроено на месте,—
В *Коммунистическом* прочтете *Манифесте*.

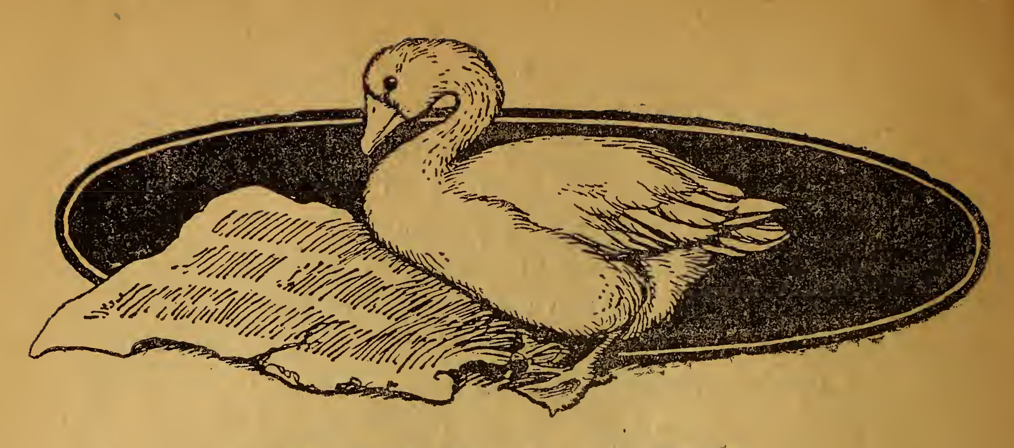
ПТИЦЫ.

Пресветлый сокол поднял крик.
Средь бела дня, когда летал он на приволье
Со всем своим двором, какой-то враг проник
В гнездо его соколье
И, словно б от каких-нибудь перепелят,
Оставил косточки одни от соколят.
У сокола в глазах от боли потемнело:
— „Подать мне ястреба! Он во вражде со мной.
Его когтей все дело!
Он, он. не кто иной.

Несчастью моему великому виной!“
И сокол ястреба решил известь со света.
Как только до орла дошла угроза эта,
Орел на сокола решил итти войной,
Всем птицам объявив о том с великим шумом,
Зане был ястребу он сватом или кумом,
Иль вообще какой-то там родней.
Переполох средь птиц пошел необычайный.
— „Владыка! Не воюй, а только попугай!“
Взмолился пред орлом ученый попугай,
Известнейший юрист, орла советник тайный.
— „Пристойно ли тебе вступать в подобный спор?
Ведь ястреб учинил заведомый террор!
Террористические ж акты...“
— „Брось, попугаюшка!—вздохнул орел.—Чудак ты,
Хоть и юрист.
Откуда же ты взял, что я не террорист?!“

1914 г.

Ловля гусей

Жил-был на свете гусь, рожденный в русской Польше.
Чего вам больше?
Как польский патриот, со всей родной страной
Гусь жил надеждою одной,
И жил бы ею он поныне.
Но вдруг, когда дела запутались с войной,
Был Польше дан рескрипт о „чаемой године“.
Прочтя рескрипт, наш гусь разнежился, размяк:
В нем вычитать сумел доверчивый поляк
Такую вещь, какой там не было в помине.
И потому, когда
Пришла беда,
То бишь, когда враги, прорвавшись чрез границу,
Губили польский скот и птицу,
Стал гусь наш прятаться во рвах, в траве, в воде,
Чорт знает где!
Терпел ужаснейшие муки,
Боясь попасть австрийцам в руки.
Извелся весь, само собой.

Три дня вокруг него кипел жестокий бой.
Но вот умолкла канонада,
Австрийцы подались назад.
Гусь—описать нельзя, как был за русских рад:
„Теперь,—он порешил,—мне объявиться надо!"
Завидя русские войска,
Гусь мчит навстречу им и, став среди дороги,
Бух генералам в ноги:
— „Дай Бог вам,—говорит:—спасли нас от тревоги!

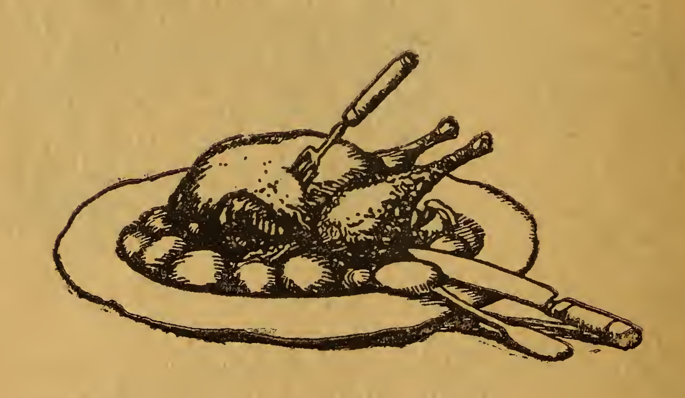

Эх, не имел я тесака!
А то, хоть я не кровопийца,
Иного подлого австрийца
Иль пруссака
Я б, ого-го-го-го! Я б, ваши благородья..."
— „Гусь! Чорт возьми, живой!

Эй!—рявкнул генерал:—Филатов! Вестовой!
Лови скорей гуська! Как раз он нам и нужен
На ужин!“
— „А-га-га-га-га-га! Я—свой! Голубчики, я свой!“—
У гуся бедного пошел мороз по коже.
— „Лови!“
— „Я—свой!“
— „Держи!“
— „ Но, братья! Польска... Русь!!“
— „Вяжи его!“
— „За что же?!!“

Великий Боже!
За что?.. За то, что—гусь!

1914 г.

ПУШКА И СОХА.

Увидевши соху, „послушай-ка, старушка,—
Сказала пушка:—
Аль ты глуха?
Я тут гремлю весь день, а ты и не слыхала?
Ты что ж тут делала,—ха-ха!“
— „Пахала,—молвила соха,—
Пахала“.
— „Пахала? Что ты! Не смеши.
Работать для кого? Ведь ни одной души
Не сыщется живой в разбитой деревушке,
Так что ж тебе теперь осталось? Отдыхать?!“
— „Пахать,—соха сказала пушке:—
Пахать!..“

На ниве брошенной, среди камней и терний,
Не прерывая борозды,
Друзья, работайте от утренней звезды—
И до вечерней!
Ваш мирный подвиг свят и нет его безмерней
Под грохот пушечный, в бою, в огне, в аду,
Я думаю о вас, чей путь простерся в вечность:
Привет мой пахарям, борцам за человечность!
Привет мой мирному культурному труду!

Август, 1914 г.
Под Люблином.

КРОВНОЕ.

На даче барчуки, набрав еловых шишек
В войну решили поиграть
И наняли толпу крестьянских ребятишек
Изображать враждующую рать.
Сошлись враги. Увлекшись боем,
Деревня перла напролом:
—„Жарь под микитки!“
—„Бей колом!“
Барчата взвыли диким воем.
На крик сбежалися их матери, отцы.
Узнав, что их сынки ребятам заплатили,
Чтоб те их колотили,
Озлились господа: „Ах, псы! ах, подлецы!
За медный грош убить готовы, супостаты!“
— „Да рази ж,—издали ребятушки кричат:—
Да рази ж чем мы виноваты?
Мы платы силою не брали у барчат:
Мы б их избили и без платы!»

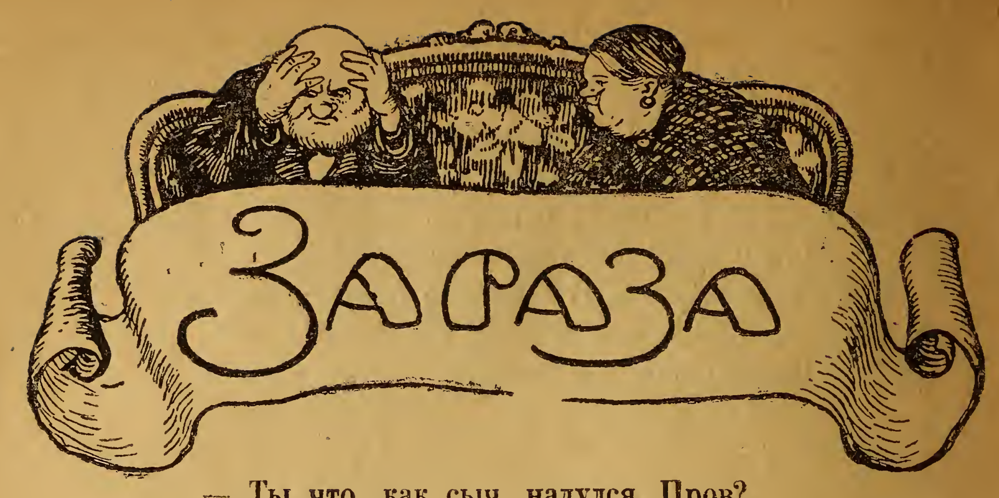

Над переулочком стал дождик частый крапать.
Народ — кто по дворам, кто — под навес бегом.
У заводских ворот столкнулся старый лапоть
С ободранным рабочим сапогом.
—„Ну что, брат-лапоть, как делишки?“
С соседом речь завел сапог.
—„Не говори... Казнит меня за что-то Бог.
Жена больна и голодны детишки... —
И сам, как видишь, тощ,
Как хвощ...
Последние проели животишки“...
—„Что так? Аль мир тебе не захотел помочь?“
—„Не, мира не порочь.
Мир... он бы, чай, помог... Да мы-то не миряне!“
—„Что ж? Лапти перешли в дворяне?“
—„Ох, не шути...
Мы—хуторяне“.
—„Ахти!
На хутора пошел?! С ума ты, что ли, выжил?“
—„Почти!
От общества себя сам сдуру отчекрыжил!

Тупая голова осилить не могла,
Куда начальство клонит.
Какая речь была: „Вас, братцы, из села
Никто не гонит.
Да мир ведь кабала! Давно понять пора,
Кто не пойдет на хутора,
Сам счастье проворонит.
Свое тягло
Не тяжело
И не надсадно.
Рукам—легко, душе—отрадно!
Рай—не житье: в мороз—тепло.
В жару—прохладно!"
Уж так-то выходило складно.
Спервоначалу нам беда и не в знатье.
Поверили. Изведали житье.
Ох, будь оно неладно!
Уж я те говорю... Уж я те говорю...
Такая жизнь пришла: заране. гроб колотишь!
Кажинный день себя, ослопину, корю.
Да что?! Пропало—не воротишь!
Теперя по местам по разным, брат, пойду
Похлопотать насчет способья".
Взглянув на лапоть исподлобья,
Вздохнул сапог: „Эхма! Ты заслужил беду.
Полна еще изрядно сору
Твоя плетеная башка.
Судьба твоя как ни тяжка,—
Тяжеле будет, знай, раз нет в тебе „душка"
Насчет отпору.
Ты пригляделся бы хоть к нам.

К рабочим сапогам.
Один у каши, брат, загинет.
А вот на нас на всех пусть петлю кто накинет!
Уж сколько раз враги пытались толковать:
„Ох, эти сапоги! Их надо подковать!“
Пускай их говорят. А мы-то не горюем.
Один за одного мы—в воду и в огонь!
Попробуй-ка, нас тронь.
Мы повоюем!“

—„Ты что, как сыч, надулся, Пров?
Аль нездоров?
Так лезь на печку, грейся“
—„Ой, жонка, ты не смейся!
На печь. Зачем на печь?
В могилу б лучше лечь“.
—„Да что, скажи ты, вышло?“
—„Что вышло? Пустяки:
У Еремея батраки
Бунтуют, в рот им дышло!
Сосед в огне—
Гореть и мне.
Ведь нынче батраки какие—ты смекай-ка!
Одна все шайка.
Дурить, так всем дурить.
Пойдет поветрие, ничем не усмирить.
Пойти мне, что ли, с молодицей:
Чай, след бы окропить наш двор святой водицей,
Аль ладаном покрепче окурить.
А лучше б то и это сразу,
Чтоб пронесло... заразу“.

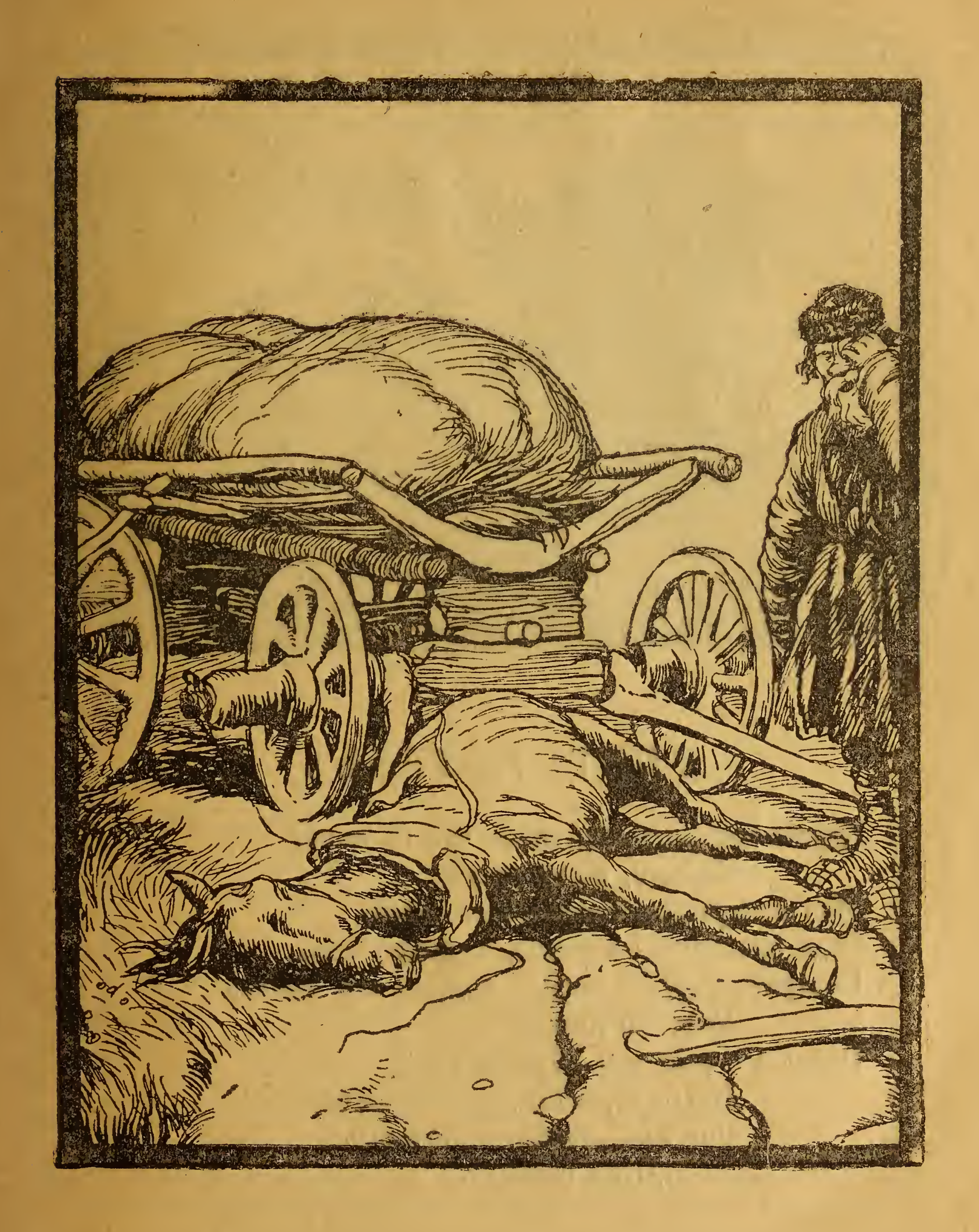

Заводчик с книжечкой застал однажды внука:
—„А ну-ка, миленький, а ну-ка,
Что говорит твоя хваленая наука?“
—„Да вот... рассказ про паука“.
—„Ась?“—Екнуло у старика:
„Паук?.. Ну, что же он, к примеру?“
—„Вишь, сам-от мал, а ест не в меру.
Добро, что нет средь пауков
В рост человечий великанов:
Такой паук бы съел в день дюжину быков
И дюжину баранов“
—„Ух!—захлебнулся старичок.—
Ай, Божья тварь! Ай, паучок!
Приноровился б, чай, подлец, да наловчился,
Уж то-то бы... хозяин получился“.

КОНЬ И ХОЗЯИН.

Савраска стал, разок-другой вздохнул,
Упал и протянул
Худые ноги
Среди дороги.
Хозяин поскорей разматывать супонь,
Дышать коню в ноздрю то в ту, то в эту.
Не помогло. Ревет мужик, не взвидя свету.
Еще бы не реветь! Был у Мирона конь,
И—нету!
Мирон коня корит:
—„Скотина,—говорит,—
С чего ты пал-то? А? Уж я ль с тобой не ладил?
Да где б хозяина другого ты сыскал,
Чтоб так тебя, как я, и словом приласкал,
И по спине рукой погладил?!“

Мирон, Мирон,
Ты потерпел урон.
Впредь научись бедой такою:
Не гладь коня рукою,
А гладь мешком,
Так не пойдешь пешком!

„БЛАГОДЕТЕЛЬ".

Друзья-товарищи, не знаю, что со мной?
Должно, всему виной
Мои превратные марксистские идеи.
Ведь про хозяев я писал, выходит, ложь.
Поверить мне,—и впрямь хозяева все сплошь
Какие-то злодеи.
Винюся и даю вам образец иной.
Пусть торжествует добродетель.
Вот вам „хозяин-благодетель",
„Отец родной".

—

—„Спасибо,—кланялся хозяин верным слугам.
Не мастер, братцы, я красиво говорить.
Не знаю, как вас по заслугам
Благодарить.
Я с вами зачинал и с вами создал дело.
Я вам обязан всем добром:
С заводских черных стен до этих вот хором
Во всем ваш дух и тело.
В работе общей мы слились в одну семью.
Я нуждам вашим всю, всю душу отдаю,
И позабочусь впредь о вашей светлой доле.
За то, что для меня вы не щадили сил,
За то, что были вы всегда в хозяйской воле,
Чтоб чувствовали вы, как я ваш труд ценил,
Дарю вам купчую на пятьдесят могил“.

„Полиция не позволяла говорить за предложение стачки, и одного говорившего рабочего стащили за ногу с трибуны".

Из письма рабочего.

Хозяин потчует под праздник батраков:
—„Я, братцы, не таков,
Чтоб заговаривать вам зубы.
Судьбину вашу—кхе!—я чувствую вполне...
Кому по рюмочке?"
—„Да что ж? Хотя бы мне",—
Илья облизывает губы.
—„Кто, други, по второй?"
—„Да я ж и по второй!"
—„Ребята! Аль к вину мне подгонять вас плетью?
Ну, кто по третьей? А?.. Раздуло б вас горой..."
—„Да я ж!—кряхтит Илья.—Как третью, так и третью".
—„А как же с праздничком?.. Пропащий, значит, день?..
Аль потрудились бы... кому из вас не лень",—
Вздохнув, умильно речь повел хозяин снова.

—„Что ж, братцы,—батракам тут подмигнул Илья:—
Все я да я!
А вы—ни слова!“

Нет, не совсем-то так. Ответ, я знаю, был.
Ответ такой, что наш хозяин взвыл.
И я бы повторить его не прочь, ей-Богу,
Но... кто-то дергает за ногу!

1914 г.

ИНЫЕ ВРЕМЕНА

— „Три целкача!—ворчал хозяин средь пивной,
Озленный выручкой дневной.—
И так который год. Проторговался. Крышка.
Эй, Гришка!
Да что ты смотришь, как шальной?—
Хозяин закричал на сонного мальчонку.—
Со стойки убирай... Столы и стулья сдвинь...
Туши живей огни... Прикроем, брат, лавчонку!..
Навеки вечные—аминь!“
Ушли.
— „Ну, что, слыхал?—пузатому бочонку,
Слезливо всхлипнув раз-другой,
Сказала банка с огурцами.—
Хозяин перестал сводить концы с концами“.
— „Не может быть!“
— „Ах, Боже мой!“
— „Что ждет нас, милые подружки?“—
Захныкали пивные кружки.

— „Продажа с молотка“,—утешил граммофон:
— „Проторговался наш хозяин,—ну, и ладно!
Вперед чтоб не было повадно
Лезть в заводской район.
Поприглядеся я. В пивной ведь с новоселья
Был пир хозяину, попробует похмелья.
Уж больно был к наживе лют.
Вот, думал, разживусь на трудовом народе,—
Как нынче, мол, рабочий люд
Совсем в разброде.
Рабочих всех тогда теснили не добром.
Спешили многие из них с тоски-досады
Поставить на пропой последний грош ребром.
Хозяева и рады:
„Кому—дурман,
А нам—в карман“.
Милльонов чаяли. Ан просчитались, гады.
Пришел-таки конец проклятой полосе.
Рабочие, забыв трактиры и пивные,
Шарахнулися все
В места иные.
Напрасно, что ни день,
Хозяин стал меня до полночи тиранить:
Все понукал горланить
Лихую дребедень:
„А, ну-ко-ся еще, таковский-растаковский,
Про „ухаря-купца“... да про „пожар московский“!
Уж я орал-орал,—охрип!
Вы сами слышали...“
— „Вестимо“.
—„Хозяин дверью скрип да скрип.

Идут людишки мимо!
А ежли кто и завернет,
В свою рабочую газету нос уткнет,
Смеется... хмурится... бормочет...
Не столько пиво пьет,
Усы в нем только мочит
Хозяин наш, ха-ха!.. взбесился, старина.
Бесись. хоть тресни!
Иные времена.
Иные песни!“

Тут старый граммофон закашлял-захрипел,
И, в черный свой кружок уставивши шпенечек,
Уж так-то жалостно запел:
„По-о-следний но-о-неш-ний дене-е-чек...“

СОЦИАЛ-ЗАИКИ.

Отец, как водится, был злостным воротилой.
Но не таков
Обычай нынче у сынков:
Там, где им взять нельзя ни окриком, ни силой,
Они берут улыбкой милой
И ласковым словцом.

—

Встречаться мне пришлось в деревне с молодцом.
Шла про него молва в народе:
—„Михал Иваныч-то!.. Богач, помещик вроде,—
Какая разница, меж тем, гляди, с отцом
Как распинается за бедноту на сходе!
— Мы, братцы, грит, одна семья...
Как, значит, вы да, значит, я...—
Не разобрать хотя, что „значит",—
Заика, видишь ли, с суконным языком!
Но видно, что скорбит: в грудь тычет кулаком
И горько плачет!
Бог с ним, что не речист: была бы голова!"—
Такая шла молва.

И никому-то мысль в башку не приходила,
Что сын пошел в отца: такой же воротила,
Да только что дела ведет на лад иной.
Где?—За народною спиной.
Сойдутся, снюхавшись, добряк Михал Иваныч
Да Чорт Степаныч,
Мошна с мошной,
Да толковать почнут, кого где можно скушать.
Вот тут бы нашего заику и послушать:
Скупой сначала на слова,
Кряхтит он, охает, вздыхает... Но едва
Запахнет жареною коркой,—
Заика речь ведет—что чистый жемчуг льет,
Не говорит, подлец: поет;
Не как-нибудь: скороговоркой!

Друзья! Скажу вам напрямик:
Держитесь за сто верст от „социал-заик“.
Их развелася нынче—стая.
Но распознать их—вещь простая.
Высоких нот они—зарежьте—не берут.
А и затянут, так соврут.
С доподлинным борцом блистая внешним сходством,
Иной из этаких господ юлит-юлит.
Но вы узнаете, где у него болит,
Когда он заскулит с поддельным благородством:
—„Тов...арищи! В борь...бе... все ль средства... хор...оши?
Ну... ну... к чему... н.. алог... на б...ары...ары...ши?
И...и ... з ... ачем контр ... оль ... н ... ад пр ... оиз...оиз...вод-
ством?!“

А дальше уж пошло: „Ваш разум затемнен,
И разгорелись ваши страсти;
Рабочим—надо ждать, а до иных времен,
Пока там что, должны буржуи стать у власти“;
Что „пролетариев другие ждут дела“...

А ждет „хозяйская“, конечно, кабала!

Паук, муха и пчела.

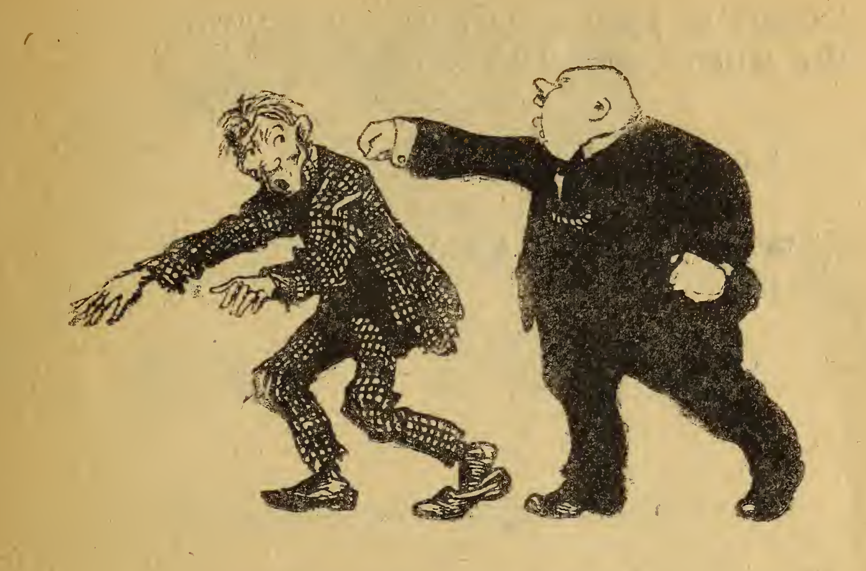
— „Одно движение! Один хотя бы звук!
Что с вами, господин паук?
Изволите терпеть лихую голодуху?“—
Набравшись как-то духу,
Спросила муха паука...
Издалека:
— „Быть может, вы больны? Иль, может, вы оглохли?
Иль гордость ваша такова,
Что вы скупитесь на слова?
Иль, извините, вы... издохли?
Как жаль! Я вам словечка два
Таких сказать хотела
(Тут муха ближе подлетела),
Словечка два таких, что сразу прочный мост
Меж нами был бы перекинут.
Подумайте: от вас так часто мухи гинут,
А все-таки знавать приходится вам пост.
Меж тем, хоть мы враги,—сказать не лицемерно!—
Мы с вами бой вести могли бы планомерно:
Ни вы, ни мы в борьбу не лезли б напролом.
Весь спор наш принял бы культурную личину“.
Увлекшись, муха тут крылом
Задела паутину.
И в тот же миг стрелой
Паук напал на муху:
—„Поговори теперь со мной
Про голодуху!“
Все это видела рабочая пчела.

Всяк Еремей про себя разумей.

—„Эх, муха, чтоб тебя! Ты сдуру начала
Свою нелепую затею!
С какими планами ты лезла к лиходею?
У паука в уме всегда одно лежит...
—„Ох, знаю, что лежит!. Ох!..—муха чуть жужжит.
Ох, пчелка холодею!..
А план был... все-таки... хорош!..“
Погибла муха за идею,
Цена которой—грош.

Всему трудящемуся люду
Твердил и вновь твердить я неустанно буду:
Буржуй привычен гнуть рабочих в три дуги;
Рабочий и буржуй—извечные враги.
Отсюда вывод ясен:
Как бой с буржуем ни опасен,
О соглашеньи с ним и думать не моги.
Тот, кто надеется без бою (меньше риску?!)
Буржуя обуздать, взяв от него подписку
„о вечной мировой“,
Тот, выдавши себя буржую головой,
Согнув пред ним холопски спину,
Как муха к пауку—сам лезет в паутину
Берите ж все пример, достойный похвалы,
С коммунистической пчелы
И не склоняйтесь к подражанью
Мух меньшевистскому жужжанью!

БЛАГОТВОРИТЕЛЬ.

Однажды в барский особняк,
В роскошные приемные палаты,
Краснея за свои лохмотья и заплаты,
Пришел за помощью бедняк.
Хоть стыд его давил почище всякой ноши,
Да барин—человек, по слухам, был хороший.
И вправь—пред гостем он размяк.
Как вдруг на бедняке он увидал... калоши!
Казалось бы, пустяк!
Но филантроп вскипел:
—„Ах, чортов ты тюфяк!
В конюшне быть тебе, а не в моей гостиной!
И ты, невежа, мог,
Такою будучи неряшливой скотиной,
Еще рассчитывать, чтоб я тебе помог?!
Вон, хам! И не посмей сюда явиться снова!!“

Бедняга не успел в ответ промолвить слова,
Как вылетел тормашкой за порог.

Наказан был бедняк примерно.
Калош не снял он—верно!
Да как их снять, когда под ними нет сапог?!

ГАСТРОЛЕР.

Провинция каналье шустрой—клад.

Какой-то правый депутат
В губернский городок приехал на гастроли—
Не для погрома, нет, совсем в особой роли:
Читать предвыборный доклад.
Весь город потонул в афишах:
Афиши на столбах, заборах, фонарях,
Афиши на ларях,
На будках, на домах и чуть ли не на крышах.
Цветами, флагами украшен был вокзал,
И для доклада лучший зал
Отведен был задаром.
Доволен будет пусть амбаром
Какой-нибудь эс-дек
Иль страшный черноблузник,
Но не солидный человек,
Не депутат-союзник.

Народу полон зал набилось на доклад.
Союзник рад.
С лоснящей рожей,
Пред губернаторской осклабившися ложей,
Он начал говорить
И с первых слов понес такую ахинею,
Что, только вспомнивши о ней, уж я краснею
Не то, чтоб слово повторить.
Казалось, лиходей оглоблей всех ударил
Люд ошарашенный стал сразу глух и нем,—
А кто-то, между тем,
Рукою жадною в его карманах шарил!

Урон, положим, небольшой—
Уйти домой с пустым карманом—
Для тех, кто, опоен дурманом,—
Ушел еще с пустой душой.

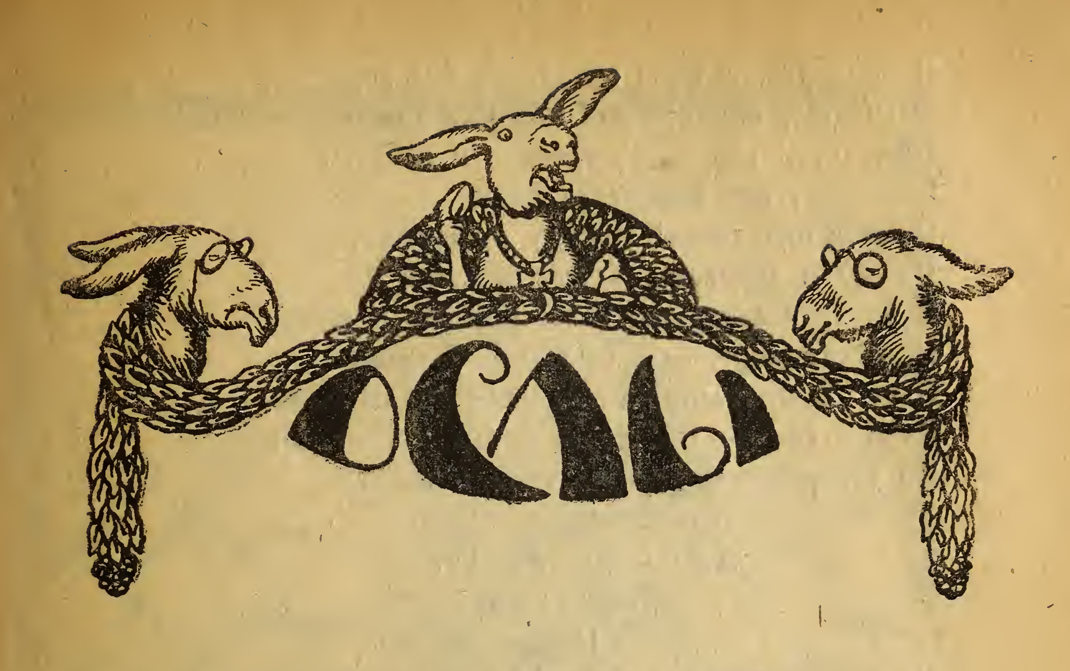
«НАТУРАЛИСТ».

„Эх ты, карманчик мой! Расти, голубчик, пухни!"
Так губернаторский лакей,
Мокей,
Пред всею челядью бахвалился средь кухни.
„Что, Ирод? Знать, опять с кого-нибудь содрал?"
„Вестимо!
Чужой целкач у нас не проплывет, брат, мимо,
Как вышло давеча: проснувшись, генерал
„Ну что, брат?—эт-та мне:—в приемной много люду."—
„Порядком,—говорю:—набилось отовсюду".—
„А ты,—и пальцем так изволил погрозить,—
Карман себе, небось, успел уж нагрузить?"
—„Так точно,—говорю.—Греха таить не буду.
А только доложу: есть и для вас... „сюжет"...
Тут барин мой, как был без брюк и без манжет,
К дверям-от—шасть, и к щелке глазом.
—„Где, говори скорей?"
—„Вон... в шляпке с черным газом".

—„Так... Не дурна, хе-хе... Еще разок взгляну...“
А сам пустил слюну:
„Венера... истинно Венера...
Глаза потупила... Пикантная манера!
Не удержаться тут святому от греха
Зачем пришла, Мокей?“
—„Просить за жениха,
Что посадили вот намедни... землемера“.
—„За жениха, хе-хе... Ух, дьявол! Все забудь!
Видал, какая грудь?
Пусть не ломается, шепни, не будет дурой.
Скажи, что, дескать, я... что мы... не как-нибудь:
Облагорожены культурой!
Исполним, дескать, все... Мол, барин—холостяк,
И благодарность вся... пустяк.
Возьмем, хе-хе... натурой!“

За все свои дела волк отвечает шкурой.
Но этот самый вот „натуралист“-подлец
Попал в министры под конец
И хоть при Керенском и был объявлен вором,
Но как сановникам еще была лафа,
То, вишь ты, для него „не подошла графа“,
И этот аспид был отпущен прокурором.

Не рядовой осел, не пустобай-оратор,
Словам которого, кто хочет, тот перечь,—
Осел сановнейший, делец-администратор
В собрании ослов держал такую речь:
—„Друзья! Мы все живем в периоде ослином.
Хотел бы знать я: кто, наш славный род хуля,
Осмелится сказать, что для ослов земля
Сошлася клином?
Ослы прошли везде, куда ни посмотри.
Ослы теперь—предмет и зависти и злобы.
Кого и чествуют и жалуют цари?
Кто нынче—первые особы?
Кто—все великие и малые послы?
Кто—все приказные чины и воеводы?
Все,—если не ослы,
То близкой к ним породы!
Но...—здесь я подхожу к печальнейшему „но“,
Высокородные отцы и патриоты,—

В нем—зло, таящее грядущих бед зерно,
Несчастье, ставшее для нас уже давно
Предметом горестной тревоги и заботы:
Одолевает нас незнатная родня.
Ослы в опасности! Породу их грязня,
Из сел и деревень, улусов и аулов
В их круг втирается тьма лошаков и мулов.
Недостает еще,—храни нас Бог!—коня.
Отцы! В минувший съезд избрали вы меня,
Чтоб в сферах правящих добыл я повеленье
Об утверждении особых прав и льгот
В ослином поколенье.
Добыл я все. И вот
Моих хлопот
Осуществленье:
На теплые места, на всякий важный пост
Пройдет лишь наш прирост.
Ослы—без подмеси, в которых каждый атом
Заверен нашим аттестатом,
И первый суд сейчас произнесете вы.
Вот перед вами строй любезных наших деток.
(Шум. Крики: „Господи!"—„Красавцы!"—„Прямо львы!").
Правофланговый!"
—„Гы!"
—„Молчи!.. Осел—трехлеток!..
Судите сами".
—„Гы!"
—„С чего начнем?"
—„С хвоста!"
—„Не хвост, а красота!"
—„Как будто, слишком длинный?"
—„Хвост—истинно-ослиный!"

—„А уши, уши каковы?“
—„Из-за ушей совсем не видно головы!“
—„Позвольте, главное совсем и позабыто:
Копыто как?“
—„Хоть на показ.
Вот полюбуйтесь. В самый раз.
Как есть ослиное копыто!“
—„Ура!.. Качать мальца!“
—„Поставить на овес!“—
Вскричали судьи все приятно и согласно,
Как сто немазанных колес:
—„Экзамен выдержан прекрасно!“

Хотя в былые дни для знатного осла
Открыты были все карьеры,
А революция ослов порастрясла,—
Однакож их еще осталось—свыше меры.

Купидоша.

—„Друг Кунидошечка.—любезничал с утра
С ищейкой унтер Пришибеев:—
И как же ловко ты вчера
Разнюхал сходочку вот этих вот... злодеев!
Спасибо! Поддержал!
За расторопность—на... съешь шоколадцу плитку!“
Пес беспокоился, чего-то все визжал
И носом тыкался в калитку.
„Так... понимаем, брат: к собачкам погулять?
Ну, неча хвостиком вилять!
Айда!.. Да не сгрызись, гляди, со сворой злою!“
Помчался Купидон на улицу стрелою,
А через часика, примерно, через два
Едва-едва
Назад волочит ноги.
„Ой-батюшки! Хорошие итоги!“—
У Пришибеева остыло все в груди.
Иди сюда, иди.

Скажи, как дело было?
Вишь: хвост повис уныло
И слезы льют из глаз...
Ужли отказ?!
Пренебрегли такой особой!
К ищейке, стало-быть, прониклись лютой злобой?
Вот так-то и со мной бывало всякий раз,
И никакой тебе приятности житейской!
Облают—слова не скажи.
Вот после этого служи
На службе полицейской!!“

ПАТРИОТКА СВОЕГО ДВОРА.

„Собачья наша жизнь! Посмотришь двор другой:
И чистота тебе, и всякие порядки!
У нас же,—а ни сесть, а ни ступить ногой.
Не замарал хвоста так вымазал все пятки!
Не двор, а—срам сказать... Постой, спадет мороз,
Уж то-то будет благовонье!“
Так говорил Валет зарывшейся в навоз
Хавронье.
—„Что?.. Двор, Валетушка?.. Ты прав!.. Ты, песик прав!—
Смысл речи плохо разобрав,
Хавронья хрюкнула восторженно Валету.—
Уж я и то сама подумала вчера,
Что лучше нашего двора
Во всей деревне нету!“

—

Ну, вот!
Валет, конечно, был не важный патриот.
Зато в словах свиньи найдут родные ноты
Все наши „патриоты“.

1915 г.

Стр.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва — 1921

1-я Образцовая типо-лит. М. С. Н. Х., Пятницкая, 71.
МОСКВА.—1921.